



МУЗЕЙ СМЕРТИ

Мистические детективы Тамоникова

АЛЕКСАНДР
ТАМОНИКОВ

ЧУЖОЕ ТЕЛО



МОСКВА 2019

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Т17

Тамоников, Александр Александрович.

Т17 Чужое тело / Александр Тамоников. —
Москва : Эксмо, 2019. — 320 с.

ISBN 978-5-04-105256-0

Единственный в своем роде Музей смерти расположен на территории городского крематория г. Новосибирска. За внешней торжественностью и спокойствием этого необычного заведения кроется множество нерассказанных историй и неразгаданных тайн. Об этом – новый роман А. Тамоникова.

К директору Музея смерти С. Б. Якушину обратились оперативники из Ярославля. Там долгое время орудовал серийный маньяк, убивавший женщин строго 23-го числа каждого месяца. Во время ареста преступник внезапно умер. После этого подобные злодеяния с точно таким же «почерком» стали случаться в Новосибирске. Якушин уверен: душа умершего маньяка переселилась в новое тело, обладатель которого в этот момент находился в состоянии клинической смерти... Эксперт привлекает к работе частного сыщика Никиту Ветрова. Тот изучает данные стационаров в поисках подходящего случая. Но фортуна на этот раз отвернулась от детектива: кандидатуры потенциального убийцы одна за другой отсеиваются, а кровавое 23-е число стремительно приближается...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Тамоников А.А., 2019
© Якушин С.Б., фото, 2019
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2019

ISBN 978-5-04-105256-0

ГЛАВА ПЕРВАЯ

20 октября.

До моей смерти оставалось двенадцать минут. Я допил коньяк, порылся в кармане, бросил купюру на барную стойку. Бармен кивнул мне как старому знакомому, сочувственно улыбнулся: утопил в вине скребущую на душе кошку? Эти бармены — такие психологи. Я впервые его видел. И бар, где по дороге домой я осушил две стопки, открылся лишь на прошлой неделе.

Я вышел из полупустого заведения. Одиннадцать вечера, на Красном проспекте в окрестностях дома быта горели фонари, проносились редкие машины. Обещанный синоптиками порывистый ветер переходил в полноценный ураган. По тротуару носились пластиковые пакеты, обрывки рекламного творчества, пронзительный ветер гнул деревья, ломал ветки. Начиналось очередное светопреставление. Нечто подобное уже случалось в прошлом месяце. Тогда по городу навалило массу деревьев — пробки были убийственные. Массивные рекламные конструкции падали как подкошенные. Ветер уносил ав-

тобусные остановки и всех, кто в них находился. Жертв удалось избежать, но пострадавших по городу набралась не одна сотня, травмпункты ломились от наплыва посетителей. Сегодня назревало что-то подобное. Стихия буйствовала уже час.

Начинался дождь. Струи воды летели почти горизонтально. Я натянул капюшон, ушел с Красного проспекта в ближайшую подворотню и сделал остановку под козырьком заднего крыльца. Там располагалась фирма по ремонту компьютеров, лестница вела к стальной решетке. Я спустился на несколько ступеней, курил под защитой навеса. На душе было пакостно, погодные условия только усугубляли мое состояние.

Машина сломалась полчаса назад — потекла стойка, — передвигалась скачками, как кенгуру. Пришлось оставить ее у Центрального парка, дальше идти пешком. И так удачно подвернулся этот недавно открывшийся бар...

Зря я туда зашел, надо было сразу бежать домой. Уже бы добежал. А теперь на улице творилось сумасшествие. Я угрюмо смотрел, как качаются кроны деревьев, как прогремела по дорожке оторвавшаяся доска объявлений. Ветер крепчал — это был уже не ураган, а какой-то торнадо. В трехэтажном здании в глубине двора погас свет во всех окнах — отломившейся веткой березы порвало провода. Но дождь, как ни странно, стихал. Только ветер продолжал беситься.

Я собирался выйти, когда в кармане ожил телефон.

— Ну, ты где? — любопытствовала Варвара.

— Уже недалеко, — отозвался я, — минуты за три добегу. Все в порядке, Варюша.

— Добежишь? — насторожилась девушка. — Ты же вроде на колесах...

— Был на колесах, — уточнил я и кратко описал постигшее мой «Террано» несчастье. В принципе не страшно, пусть хоть месяц там стоит, если ураганом не унесет.

— Ты выпил? — заподозрила недоброе Варвара. — Я чувствую по голосу...

— Ерунда, — отмахнулся я, — в бар на Красном заскочил, грешен. Уже выскочил, скоро буду.

— Не слышу уверенности в твоём голосе. Что с тобой происходит, Никита?

— Ума не приложу, — признался я. — Назови это безотчетной тревогой, не знаю, кто из нас психолог? Не могу объяснить, Варюша, как-то все плохо...

— Но жизнь не так ужасна, как кажется, — с сомнением заметила девушка.

— Но и не так прекрасна, как хочется, — вздохнул я. — Все в порядке, не парься, скоро появлюсь.

— Хотелось бы еще скорее, — хмыкнула Варвара. — Ты в курсе, что происходит на улице?

— Конечно, я же на улице.

Мы снова жили вместе в моей квартире на Советской улице, по соседству с перестроенными

Федоровскими банями. Месяц назад Варвара переехала с вещами, и это была уже третья попытка. Вместе было трудно, а порознь — невозможно, какая-то патовая складывалась ситуация. Но пока мы держались, у нее не было оснований послать меня подальше и вернуться в свою квартиру на Нижегородской. Я уже научился ставить швабру к стене так, чтобы она не падала. А на прошлой неделе назло Варваре навел порядок в квартире. Она два дня искала свой любимый бюстгальтер.

Состояние было омерзительное, и я не мог понять, с чем это связано. Спиртное не действовало. Начинался озноб. Я выбросил сигарету, покинул укрытие и решительно зашагал по внутридомовой территории — мимо детского садика, каких-то бойлерных, трансформаторных будок, без просвета припаркованных машин. До родимого дома оставалась пара дворов.

Ветер бушевал наверху, сдирая последнюю листву, среди домов и деревьев было еще терпимо. Над городом неслись кудлатые тучи. Ни одной живой души в округе — словно я один во всем городе.

Я обогнул несколько домов, перебежал переулок, по которому ползла одинокая машина с мельтешащими «дворниками», и вскоре вошел в свой двор. Здесь тоже было пусто. Завывал ветер. На детской площадке валялась оторвавшаяся от тополя ветка. Еще одна придавила запаркован-

ную «Калину» — сигнализация почему-то не работала.

Я двинулся напрямую — по «народной тропе», проложенной жильцами между тополями. И быстро пожалел об этом — грязь липла к подошвам. Мой подъезд находился в центре изогнутого здания. Подъездная дорожка была свободной, за исключением пары сломанных веток. Электричество не отключали — в окнах горел свет. Но какие-то провода оборвались и болтались на ветру. В правой части здания что-то искрило в полуподвальных окнах. Так и до пожара недалеко...

В моей квартире за задернутыми шторами горел свет, проступали очертания балкона. Блуждала тень по кухне — Варвара ждала меня. Пространство у подъездной двери освещала мутная лампочка под козырьком. Мне почудилось, будто что-то шевельнулось за машинами, припаркованными у фасада. Нет, показалось. На всякий случай я расстегнул нижнюю пуговицу куртки, чтобы облегчить доступ к травматическому «ПМ», а когда перебежал дорожку, глянул за машины. Нет, паранойя. Теперь повсюду мерещится этот тип — тот, что преследовал меня на «Субару». Кто на кого открыл охоту?

Я нырнул под козырек, стал выуживать ключи, отмечая машинально две вещи. Первое: здесь тоже болтались провода. Второе: кончился дождь, и стихал ветер. Домофон недавно отремонтировали, и теперь по одному желанию стальная дверь

не открывалась. Я вставил узкий ключ в щелевидное отверстие, вынул и, пока не оборвался писк, взялся за ручку...

Удар был настолько силен, что меня отбросило на несколько метров. Сознание захлопнулось еще до того, как я что-то понял...

Весьма странно, но я очнулся и поднялся — в отличие от того парня, что остался лежать на асфальтированной дорожке. В теле царила легкость. Я словно сбросил с себя одежды. Или эти одежды и были... телом? Я не чувствовал никакого тела! Я ничего не чувствовал — ни холода, ни измороси, оставшейся после дождя. Легкая паника, что нет возможности дышать. Но она сразу прошла — вроде и нет необходимости это делать...

Метались мысли, я испытывал какую-то нелепую двойственность. Словно очнулся не совсем я. Звучала назойливая музыка — тоскливая, однообразная, было непонятно, то ли это скрипка, то ли клавишные, то ли гитара. Я четко знал: меня ударило током, но как, почему и с какой стати? Я все видел и слышал, сознание работало, хотя в его работе что-то настораживало.

Я стоял над этим парнем, тупо смотрел на него. Он лежал на спине, раскинув конечности. В левой руке сжимал такие знакомые ключи от домофона и квартиры. Физиономия небритая, глаза закрыты, рот оскален — словно собирався

закричать, но не стал. Капюшон сорвало при падении, волосы торчали, как колючки у ежа...

Осознание приходило не сразу. Каждое утро я вынужден любоваться этой физиономией — когда зубы чищу. Еще когда бреюсь, но это реже...

Не было ни горя, ни радости — только легкость. Еще немного удивления — значит, вот как оно происходит? Почему тогда я живой, все понимаю? Почему я здесь? Это был мой мир, но что-то в нем уже деформировалось, предметы искажались, темнели, принимали коричневый оттенок.

Мысли путались, двоилось сознание. Лились какие-то странные воспоминания. Раннее детство, начало жизненного пути — отчаянно скрипит треснувшая педаль трехколесного велосипеда, вот-вот отвалится... Это было со мной? Разве у меня был трехколесный велосипед? Почему я раньше этого не помнил? Кто та молодая женщина в берете, что оттаскивает велосипедиста с дорожки, когда во двор въезжает машина?

Я просматривал прозрачные слайды из детства, они менялись, я словно находился в нескольких мирах одновременно. Девчонка, с которой я иду из школы и что-то радостно рассказываю, у нее родинка на подбородке. Это было так давно, я не помню, кто она, тем более не помню эту родинку, и почему я такой довольный? Майор в военкомате перелистывает мое дело, у него пустые глаза, он думает про обед, а я упра-

шиваю, чтобы меня записали в десант — иначе какой смысл идти в армию? Это реально было? Странно, я не помнил...

Но все же мой мир превалировал — искаженный, выцветший. Я все осознавал, невзирая на сумятицу в сознании.

Послышался шум, во двор въехала машина, втиснулась где-то справа на последнее свободное место. Вышел водитель... и бросился к распростертому телу, забыв закрыть дверь! На меня он не смотрел — только на того парня. Сосед Виталька из 34-й квартиры — нормальный мужик, экспедитор в крупной фирме, отец двоих детей и хороший семьянин.

Освещения от лампы хватало. Он опустился на колени, стал трясти того парня. Потом оставил его в покое, схватился за телефон, стал звонить, кричал: «Скорая!», «Скорая!» С Виталькой нас связывали неплохие отношения, однажды я оказал ему услугу, отвадив от его телефона мелкого шантажиста.

Колыхнулась занавеска в окне первого этажа, и через минуту выбежала женщина в наброшенном плаще — Клавдия Ивановна, успевшая в этом году безнаказанно выйти на пенсию в 55 лет. Она скатилась с крыльца, кинулась к Витальке, который устроил скачки вокруг моего тела. Слабая мысль шевельнулась: а Клавдию Ивановну-то почему не шибануло? Она нагнулась над телом, стала ахать, причитать, прижи-

мать руки к груди. Приятно, что не всем ты безразличен. Она что-то спрашивала у Витальки, тот отрывисто отвечал.

Ураган закончился — как кстати! Запищала дверь соседнего подъезда, еще кто-то вышел, заскользил бочком к месту происшествия. Тоже лицо знакомое, и этот мужик меня тоже в упор не замечал...

Я плавно отходил от всего этого, картинку затягивала муть. Покосился на открытую дверь Виталькиной машины — может, залезть, погреться? Нет, бессмысленно — холода я не чувствовал, как и всего остального...

«Скорая помощь» прибыла через пять минут — рекорд для этого города! Очевидно, находилась где-то рядом, когда поступил вызов. Микроавтобус характерной расцветки с включенными маячками протискивался через припаркованный автотранспорт.

Он подъехал к телу, высадил десант медиков. Врач склонился над лежащим. Санитар выволакивал носилки из недр машины. Я отвернулся — не больно-то интересно. Людей во дворе прибыло. Дождь прекратился, ветер стих — почему не погулять?

Медики колдовали над телом, пытались его реанимировать. Работал переносной дефибрилятор. Дергались ноги потерпевшего, группа граждан сочувственно вздыхала. Я слышал, как переговаривались медики: «Бесполезно, Петро-

вич, типичный симптом Белоглазова, да и роговица мутная — поплыла «льдинка». Я не был таким уж несведущим. Ранние признаки биологической смерти: помутнение и высыхание роговицы — «симптом плавающей льдинки»; тот же «кошачий глаз» (симптом Белоглазова) — когда при боковом сдавливании глазного яблока зрачок превращается в вертикальную щель...

Мне было до лампочки. Я протек мимо этих людей, когда они уже решили мою судьбу (и вердикт был неутешительный). Из машины вышел водитель, чтобы помочь загрузить тело. Меня несло к подъездной двери. Туловище было как мое, но немного другое — оно вытягивалось, пропадала нога, словно ластиком стерли! Где Варвара? Почему такое важное событие происходит без ее участия? Клавдия Ивановна, трагически вздыхая, поспешила обратно в подъезд. Возможно, утюг не выключила или на плите что-то подгорало.

Ключ от домофона она не забыла — вставила куда следует, вошла в подъезд. Я просочился вслед за ней, пока доводчик медленно тащил закрывающуюся дверь. Постоял, дожидаясь, пока она уйдет к себе в квартиру.

Поднимался, словно плыл, сомневаюсь, что вообще касался пола. Возможно, был иной способ попасть в квартиру, но я пока не разобрался. Время и пространство еще имели значение, но явно ненадолго. Сверху донесся топот, я успел

прижаться к стене. Мимо меня с тоскливым воем, брызгая слезами, пролетела Варвара в домашних тапках. Выглянула наконец в окно! Меня она, естественно, не заметила — конечно, я ведь такой незаметный! Она потеряла тапок, но не стала его искать, распахнула настежь входную дверь и выскочила наружу. Дверь закрывалась плавно, я видел, как она бежала к машине «Скорой помощи», куда грузили мое бездыханное тело, что-то кричала.

Ничего доброго ей не сообщили, разразилась истерика. Она надрывно кричала: «Это неправда, вы бездельники! Попробуйте еще раз, он жив! Сделайте хоть что-нибудь! Никита, очнись!»

И даже когда закрылась дверь, я слышал ее крики — они стали глухими и непередаваемыми. Возможно, медики вняли ее мольбам, снова стали проводить реанимацию. Легко сказать «не умирай», можно подумать, я тут распоряжаюсь. В состоянии ничего не менялось — значит, успехов они не добились. Я скользил вверх. Мысли и воспоминания продолжали бег. Дым, автоматные очереди, крики на арабском — видение последнего боя, когда я получил обширную контузию, а после лечения убыл на гражданку... Собственный подъезд расплывался вглубь и вширь, терялась четкость — его словно заволакивало паром от лопнувшей трубы.

На втором этаже опять пришлось посторониться — спускалась девушка в серой куртке и